

тамъ, сдѣлали бы ее вновь «интересной» въ глазахъ публики. Этого, конечно, не требовалось бы, если бы зимняя опера была понятиемъ художественнымъ предпріятіемъ, а не «hobby», музыкальной блажью одного лица. Тогда все дѣло велось бы глубже, шире, по типу Художественнаго театра, постановокъ въ году было бы меньше, но онѣ были бы избраннѣе, художественно-совершеннѣе, а стало-быть, тверже, долговѣчнѣе. Но... всего этого нѣтъ. И естественно, что для освѣженія прелестной бѣдной дѣвицы, которая при иныхъ условіяхъ прекрасно могла бы круглый сезонъ сохрѣпать свою привлекательность и шармальный цвѣтъ лица, необходимы оказываются къ концу сезона чрезвычайныя мѣры.

Какія же это мѣры? О, давно испытанныя, патентованныя («требуйте только поднестъ изобрѣтателя!»). Во-первыхъ, гастроль итальянцевъ, во-вторыхъ, оперетка. Итальянцевъ г. Зиминъ считаетъ настолько необходимыми для престижа своей *русской* оперы, что даже общаетъ ихъ по одной порціи на каждый изъ абонементовъ въ будущемъ сезонѣ. Странно, что для престижа своей оперы онъ не пообщалъ абонентамъ еще и по порціи оперетты.

Я, впрочемъ, не абсолютно противъ оперетты. Въ принципѣ противъ нея можно имѣть во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ противъ гастролей, и особенно вавилонскихъ. Есть искусство большое и малое, il y a de la musique et de la «musiquette», de l'opéra et de l'opérette. Но надо, чтобы и въ опереттѣ была все-таки на-лицо если не музыка, то «музыка»; надо еще, разумѣется, чтобы было весело, иначе незачѣмъ и городъ городить, и надо, наконецъ, чтобы всюду сохранена была художественная мѣра, иначе вмѣсто оперетты мы попадемъ въ варьетъ, кафе-шантажъ и т. п.

И вотъ тутъ-то бѣда. Особенно съ новыми оперетками, которымъ нехватаетъ то одного (почти всегда перваго), то другаго, то третьяго, то всего вмѣстѣ. Онѣ просто скучны. Старыя оперетки все-таки гораздо выше. Особенно французскія, въ которыхъ область комическаго гораздо шире и порою поднимается до настоящей сатиры. Русскія оперетки въ послѣднемъ отношеніи куда бѣднѣе; почти всѣ онѣ ка-

кія-то узкія, мѣстныя, «жаргонныя», а главное—слишкомъ уже старомодныя по складу и духу сюжета, нѣчто въ родѣ ведевилей начала прошлаго вѣка.

Таковъ между прочимъ и «Цыганскій баронъ», поставленный теперь въ Солодовниковскомъ театрѣ. Но въ «Цыганскомъ баронѣ» есть все-таки музыка. Это—огромный вальсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, то сантиментальный, то веселый, но всегда мелодичный и главное—непринужденный, льющийся самъ собой, а не ловко «составленный», какъ почти всѣ повѣйшіе опереточные вальсы. Словомъ, Юганъ Штраусъ, а не Легаръ или Лео Фалль.

Къ постановкѣ «Цыганскаго барона» Солодовниковскій театръ приложилъ старанія чрезвычайныя, большія, кажется, чѣмъ къ чему бы то ни было въ этотъ сезонъ. «Какъ пышно, какъ богато!» Но далеко не такъ стильно (если можно говорить о стилѣ для «Цыганскаго барона»), не такъ красиво да и не такъ весело! Декорации, папримѣръ, выдержаны въ какихъ-то яркихъ однотонныхъ краскахъ: деревья однотонно зеленыя (à la Крымовъ), дома однотонно малиновые и т. д.; а костюмы и все прочее—въ реально-пестрыхъ тонахъ, отнюдь не вяжущихся съ подчеркнутой стилизованностью декораций. Или: цыгане и цыганки всѣ въ новенькихъ съ иголочки нарядахъ (какъ и полагается опереточнымъ цыганамъ), а цыганята — ободраны и грязны до невѣроятной степени. Независимо отъ урона для здраваго смысла (гдѣ ужъ въ опереткѣ говорить о здравомъ смыслѣ!) это просто непріятно для глазъ.

«Цыганскій баронъ» поставленъ г. Оленинимъ, который выѣхалъ съ тѣмъ исполнять здѣсь и роль «свинаго князя». Этотъ даровитый артистъ умѣетъ подчасъ вызвать смѣхъ ловкимъ словцомъ (чему частію мѣшаетъ его не совсѣмъ ясная дикція), гримомъ, позой, дрессированнымъ поросенкомъ и т. п. Но пастоящаго, прирожденнаго комизма и тѣмъ паче веселья въ немъ мало. Маловато его и во всемъ исполненіи «Цыганскаго барона», вдохновленномъ г. Оленинимъ. Въ исполненіи этомъ проведена между прочимъ «реформа»: всѣ дѣйствующія лица не только поютъ и говорятъ, но при случаѣ и пляшутъ, иногда въ довольно отвѣтственныхъ танцахъ. Это, конечно, нѣсколько оживляетъ

исполненіе, во все-же основной характеръ впечатлѣнія въ опереткѣ создается не хорошо или дурно заученными плясками, комическими присѣданіями, толчками и т. п., а той непринужденностью, веселостью, которая идетъ отъ каждаго исполнителя изнутри. И здѣсь, конечно, многого еще можно пожелать артистамъ Солодовниковскаго театра. А впрочемъ желать ли? Конечно, да. Вполнѣ возможно было бы обойтись и безъ оперетки; но разъ уже братья за нее, надо дѣйствительно вполнѣ усвоить себѣ и художественно вывить этотъ особый опереточный стиль.

Ю. Э.

Русскія Вѣдѣнія 28 марта 1913

«Цыганскій баронъ». Солодовниковскій театр.

Къ концу сезона зимняя опера, точно худосочная, малокровная дѣвица, начинаетъ чувствовать себя плохо, блѣднѣетъ, чахнетъ. Приходится прибѣгать къ особымъ экстреннымъ мѣрамъ, которыя придали бы подобіе живаго румянца ея быстро блекнущимъ ланитамъ.